ИКОНИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ РУССКОГО СКЛОНЕНИЯ

Г. Балаж

Подавляющее большинство лингвистов нашего времени не сомневается в том, что язык является чрезвычайно сложной знаковой системой. Учение о знаковой природе человеческого языка, восходит, пожалуй, к весьма давним эпохам, ведь такие понятия, как "обозначающее" и "обозначаемое", встречаются уже в работах стоиков. Что же касается ученых девятнадцатого и двадцатого веков, здесь следует отметить прежде всего два имени.

Понимание языка как системы знаков в Европе неразрывно связано с основополагающей работой Ф. де Соссюра "Курс общей лингвистики": "Языковой знак связывает ... понятие и акустический образ... Языковой знак есть, таким образом, двустороняя психическая сущность..."[1]. Благодаря деятельности выдающегося женевского лингвиста вскоре осознается необходимость рассмотрения языка как одной из возможных знаковых систем. Итак, в изучение языка включается новый аспект - семиотический. "Семиотика - это наука об общих свойствах знаков и знаковых систем. Но так как наиболее мощной и "выраженной" знаковой системой является естественный язык людей, то семиотика опирается на многие идеи и решения, полученные лингвистикой. Лингвистика входит в семиотику, а семиотика - в лингвистику. Какой-то круг лингвистических и семиотических задач переплетается."[2]

На американском континенте основоположником семиоти-

---

[1] Ф. Соссюр. Курс общей лингвистики. Труды по языкознанию. М., 1977, стр. 99.

[2] Ф.М. Березин, Б.Н. Головин. Общее языкознание. М., 1979, стр. 43.

ки - в ее современной трактовке - является видный мыслитель, современник Соссюра, Ч.С. Пирс /1839-1914/. По мнению Р. Якобсона, семиотические наблюдения Пирса отличаются эпохальной значительностью, однако тот факт, что его работы до 1930-х годов остались неопубликованными, долгое время препятствовал его международному признанию[3].

Как Соссюр, так и Пирс резко отграничивают друг от друга две стороны знака - обозначающее и обозначаемое /signans; signifiant - signatum; signifié/. Однако толкование связи между двумя сторонами языка учеными осуществляется по-разному. Соссюр понимает эту связь следующим образом: "Связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна; поскольку под знаком мы понимаем целое, возникающее в результате ассоциации некоторого означающего с некоторым означаемым, то эту же мысль мы можем выразить проще: языковой знак произволен."[4]

Пирс разделяет знаки на три основных класса, в зависимости от характера связи между обозначающим и обозначаемым[5]. Согласно такой классификации, знак может быть иконой, индексом или символом. Икона является таким знаком, который намекает на обозначаемый им предмет исключительно характерными для предмета свойствами. Таким образом, икона обязательно "похожа" на обозначаемое /например, рисунок данного предмета/. Индекс, в свою очередь, предполагает фактическую связь с обозначаемым предметом и, следовательно, без него не может существовать /напр., дым - огонь/. Символ, наконец, основывается на какой-либо условной, установленной связи между обозначающим и обозначаемым /напр., белый голубь - мир/.

---

[3] R. Jakabson. A nyelv szemiotikai vizsgálata. Hang - jel - vers. /Szerk. Fónagy I. és Szépe Gy./ Budapest, 1969, стр. 95. В оригинале: Quest for the essence of language. Diogenes. 51: 21-37., 1965.

[4] Ф. Соссюр. Указ. соч., стр. 100.

[5] C.S. Peirce. A jelek felosztása. A jel tudománya. /Szerk. Horányi Ö. és Szépe Gy./ Budapest, 1975,стр. 19-45.

В истории языкознания оба мнения нашли сторонников: А. Мейе и Л. Блумфилд, с одной стороны, придерживались принципа произвольности языкового знака, а О. Есперсен и Э. Бенвенист, с другой стороны, возражали против такого понимания связи между обозначающим и обозначаемым[6]. С развитием семиотики, однако, все больше и больше лингвистов стали относиться к тезису Соссюра критически, многие под влиянием переосмысления и приспособления к лингвистике принципов Пирса Р. Якобсоном[7]. В книге Ф.М. Березина и Б.Н. Головина "Общее языкознание" читаем следующее: "Тезис о немотивированности /произвольности/ знака заслуживает обсуждения, но не может быть принят безоговорочно. Знаковая теория Соссюра оторвала знаки языка /прежде всего, слова/ от обозначаемого ими мира людей... Знаки языка обладают реальными свойствами. По отношению к вещам знаки не мотивированы свойствами этих вещей, но мотивированы создавшей их системой; звуковая сторона знака по отношению к смысловой не мотивирована ее, смысловой стороны, свойствами, но мотивирована системой..."[8] Еще конкретнее пишет о мотивированности знаков языка Якобсон, устанавливая, что как в синтаксисе, так и в морфологии связь между частями и единицами совпадает с дефиницией Пирса знака-иконы, а морфология особенно богата примерами альтернативных знаков, которые демонстрируют иконическую связь между своими обозначающими и обозначаемыми. В качестве примера он приводит, например, степени сравнения прилагательных в различных индоевропейских языках, где наблюдается постепенное наращение в количестве фонем. Ср., например, англ.

---

[6] Jakobson. Указ. соч., стр. 98.

[7] M. Shapiro. Aspects of Russian Morphology. A Semiotic Investigation. Cambridge. Mass., 1969, p. 4: "Roman Jakobson's important adaptation of the semiotic of Charles Sanders Peirce has attenuated the force and altered the implications of Ferdinand de Saussure's dictum regarding the arbitrariness of the linguistic sign."

[8] Березин - Головин. Указ. соч., стр. 121.

hign - higher - highest; лат. altus - altior - altissimus и т.д. Таким образом, обозначающие отражают, по его мнению, постепенность гаммы обозначаемых[9]. В упомянутой статье Якобсон указывает и на другие примеры, из которых один, с точки зрения настоящей работы, является очень важным. Говоря о склонении русских имен существительных, он обращает внимание на то, что реальные /т.е. не нулевые/ окончания данного падежа длиннее во множественном числе, чем в единственном[10]. Постановка такой проблемы для нас послужила толчком для конкретного лингво-семиотического анализа русских именных парадигм, причем не в дескриптивной форме, а в историческом освещении.

В современном русском литературном языке соотношение окончаний единственного и множественного числа в склонении существительных выглядит следующим образом:

	Ед. ч.	Мн. ч.
И	-Ø/-о/-а	-и/-ы/-а
В	-Ø/-о/-а/-у	-и/-ы/-а/-Ø/-ей/-ов/-ев
Р	-а/-и/-ы/-у	-ов/-ев/-ей/-Ø
Д	-у/-е/-и	-ам/-ям
Т	-ом/-ем/-ой/-ей/-ою/-ею	-ами/-ями
П	-е/-и/-у	-ах/-ях

Из приведенных форм очевидно, что соотнесенные морфемы во множественном числе являются более длинными, чем в единственном числе. Единичные исключения /им.п., вин.п. и род.п. некоторых существительных/ не мешают восприятию явных закономерностей системы как целого. В этом отношении мы можем сказать, что деклинационная система русского существительного отражает связь между обозначающим и обозна-

---

9 Jakobson. Указ. соч., стр. 103-104.

10 Jakobson. Указ. соч., стр. 104.

чаемым такого же характера, как и приведенный Якобсоном пример степеней сравнения имен прилагательных.

Известно, что современные окончания, однако, являются результатами многовекового развития морфологического строя русского языка. Особенно важно отметить это потому, что вышеуказанные соотношения между окончаниями единственного и множественного числа в древнерусском языке в иконичной форме существовали лишь спорадически, не только не характеризуя систему парадигм в целом, но даже препятствуя проявлению иконичности в склонении существительных. Парадигмы разных типов склонения дают пеструю картину: самые продуктивные типы /основы на -о и -а/ демонстрируют наращение суффиксов множественного числа лишь в двух падежах /дат. и предл. пп./, существительные на -u в трех /им., род. и предл. пп./, существительные с основой на -i в четырех /им., род., дат. и предл. пп/, причем консонантные основы в им., вин., дат. и предл. падежах. Следует обратить внимание на то, что формы творительного падежа ни в одном случае не отражают иконичную связь между обозначающим и обозначаемым, но почти у всех основ окончания единственного числа являются более длинными, чем соответствующие окончания множественного числа.

Исходя из приведенных фактов, можно было бы предположить, что древнерусское склонение унаследовало данный облик от общеславянского, или даже общеиндоевропейского праязыка. Чтобы убедиться в ошибочности такого предположения, достаточно привести унифицированную в оформлении окончаний /и, таким образом, напоминающую не старое русское, а, скорее, современное склонение/ систему склонения имен общеиндоевропейского языка, которая, в свою очередь, была унаследована ранним общеславянским языком:[11]

---

[11] О. Семереньи. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980, стр. 170.

	Ед. ч.	Мн. ч.
Ном.	-s, -Ø	-es
Вокат.	-Ø	-es
Акк.	-m/-m̥	-ns/-n̥s
Ген.	-es/-os/-s	-om/-ōm
Абл.	-es/-os/-s; -ed/-od	-bh/y/-os, -mos
Дат.	- ei	-bh/y/-os, -mos
Локат.	-i	-su
Инстр.	-e/-o, -bhi/-mi	-bhis/-mis, -ōis

Как видно, данная система весьма наглядно иллюстрирует иконичное соответствие между суффиксами единственного и множественного числа, напоминая и этим современный, "очищенный", а не старый облик русского склонения.

Чем же объясняется бросающееся в глаза отклонение от общей закономерности иконичности, наблюдаемой как в самый ранний период развития языка, так и в сегодняшнем его проявлении? Известно, что в эпоху становления различных славянских языков действовали коренным образом изменившие общеунаследованную морфологическую структуру фонематические и морфематические законы[12]. В силу действия фонематических законов произошли следующие, чрезвычайно значительные изменения, характеризующие период развития общеславянского языка: опрощение дифтонгов, изменения в качестве и количестве гласных звуков, палатализации задненебных согласных, делабиализации лабиовелярных, утрата предыхательности и сонорности согласных, возникновение фонемы ch из индоевропейского s, законы открытого слога и слоговой гармонии. Вследствие таких тенденций, разумеется, возникали новые в фонологическом оформлении суффиксальные морфемы, ведь в окончаниях действовали такие же закономерности, как и в

---

[12] В. Георгиев. Основни проблеми на славянската диахронна морфология. София, 1969, стр. 161, 179.

других слогах слова[13]. Вышеуказанными явлениями объясняется, например, отпадение конечных согласных, появление носовых гласных, существование мягкой и твердой разновидности внутри некоторых типов склонения /бинарность/, наличие диалектальных различий, вызванных общеславянским сандхи. Кроме перечисленных здесь изменений происходили и такие - т.н. морфологические инновации -, которые трудно или невозможно объяснить фонематическими закономерностями[14]. Таким образом, функционирование приведенных выше закономерностей временно препятствовало действию семиотических факторов, присущих самой природе языка. В истории русского языка, в результате существенного переразложения и опрощения деклинационных и конъюгационных систем - на которых здесь не имеем возможности остановиться - сформировалась современная грамматическая система, восстанавливающая иконичность в окончаниях именного склонения. Принимая во внимание такую тенденцию, охватывающую, впрочем, целый грамматический строй русского и других славянских, и, вообще, индоевропейских языков - представляется возможным объяснение многочисленных явлений славянской диахронической морфологии. В качестве примера сошлемся только на несколько фактов: влияние малопродуктивных типов склонения на продуктивные /род.п. мн.ч. основ на -u и -i/, преобладание более длинных морфем во множественном числе над более короткими, вытеснение в дательном, творительном и предложном падежах множественного числа окончания всех типов склонения окончаниями основ на -a, унификация парадигм, появление продуктивного окончания именительного падежа множественного числа у существительных мужского рода, ударного -a, изменения

---

13 Георгиев. Указ. соч., стр. 37.

14 H.Tóth I. Bevezetés a szláv nyelvtudományba. Budapest, 1977, 83.o.

в месте ударения в литературном и разговорном языке[15], возникновение категории одушевленности, утрата двойственного числа, усечение отдельных окончаний /напр., в творительном падеже единственного числа у существительных на -а, 2-ое лицо единственного числа у глаголов в настоящем времени/, вытеснение местоимения язъ формой 'я' и др. Примеры такого рода, конечно, можно привести и из других славянских языков, в том числе из болгарского: множественное число односложных существительных на -ове, распространение окончания -име /вместо -им,/ -еме /вместо -ем/ в 1-ом лице множественного числа настоящего времени глаголов, множественное число на -та у группы существительных, местоимения 'ние' и 'вие' вместо +ни и +ви, и многие другие. Более подробное изучение, однако, не является целью настоящей работы, оно требует дальнейшего основательного исследования. Здесь мы ограничились кратким изложением функционирования иконичной связи между обозначающим и обозначаемым в рамках одной грамматической категории с диахронической точки зрения.

Завершая статью, попробуем подвести итоги изложенных выше наблюдений. Итак, современная система русского склонения отражает действие важной семиотической закономерности языка - иконичности окончаний. Как мы видели, данная тенденция была присуща всей истории славянского склонения, но не в одинаковой мере на разных этапах языкового развития. В древнерусскую эпоху действие иконичности осуществляется лишь спорадически, что объясняется, в первую очередь, значительными фонологическими инновациями. Однако, последующие изменения в деклинационной системе русского языка постепенно восстанавливают исходную связь между обозначаю-

---

[15] Shapiro. Указ. соч., стр. 16-17, 53.

щими и обозначаемыми. Вышеуказанные факты подтверждают мнение Р. Якобсона о том, что исторические процессы, создавшие в отдельных славянских языках "диаграмму" /т.е. специфичный вид иконы/ соответственных форм множественного и единственного числа, наряду с многочисленными явлениями языкознания, противоречат тезису Соссюра о произвольности языкового знака[16].

---

16 Jakobson. Указ. соч., стр. 104.